

ЛЬВОВСКИЙ ЗАТВОРНИК

Игорь Клех продвигается на ощупь в области паралитературы

Независимая газ. - 1996 -
27 нояб. - с. 7

Сергей Шаповал

Рефлексия

ИГОРЬ, вы жили во Львове и немало страниц посвятили Западной Украине. Что значат для вас эти места, и почему вы решили оттуда уехать?

— Я всегда себя воспринимал не столько на Украине, сколько на Западе СССР, так же как моя семья принадлежала к русской диаспоре, это люди пограничья империи. Во Львове остро чувствовалось еще встречное влияние Австро-Венгерской империи, задержавшееся в материальной культуре, архитектуре, в их своеобразном декадентском привкусе. Очень велико было польское культурное влияние, которое стало иссякать в 80-е, — от введения военного положения в Польше до перестройки и последовавшего распада Восточного блока. И, бесспорно, присутствие Российской империи — поскольку всю городскую среду после поляков унаследовали русские, — украинская интеллигенция в колличественном выражении была очень незначительна. Писал я всегда по-русски, это моя культура. Но в какой-то момент русский писатель упирается в тот факт, что ему негде печататься на Украине. Со мной произошло нечто вроде культурной репатриации: уже больше двух лет я обитаю на окраинах Москвы. А до этого лет пятнадцать ездил сюда регулярно, поддерживал литературные отношения, дружеские связи.

Я русский по культуре, по доминирующему в моем сознании нерву. Генетически, кроме русской крови, во мне течет и украинская, и польская, и литовская, что переводит спор между славянами внутрь меня самого, позволяет увидеть слабость аргументации всех участвующих в споре сторон и в то же время чувствовать себя своим и чужим одновременно.

— Тема империи так или иначе звучит в ваших вещах. Вы тоскуете по ней?

— У меня нет ностальгии. Империя должна была быть разрушена. Более того, я бы не состоялся как писатель, возможно, если бы этого не произошло. Я принадлежу к тем, кто от падения империи выиграл, в то время как пенсионеры на территории бывшего СССР, включая моих родителей, принадлежат к проигравшим. Мне отвратительны красномысленные пляски смерти на великом трупе, но и ритуальное деганье дохлого льва также представляется этически сомнительным занятием. Империя — необходимый исторический этап в развитии цивилизации. Российской и советской империи не повезло в том отношении, что она оказалась последней. Будь на ее месте любая другая, скажем Британская, ей бы достались все шишки. Надо признать, что империям свойствен универсализм, каждая из них являет собой как бы весь Космос, в разном образе ландшафтов, народов, встрече крайностей. Возникающие мононациональные государства начисто лишены, к сожалению, этого универсалистского измерения. После имперской разомкнутости в пространство их можно сравнить с одинокими коттеджами, если не с комнатами, где довольно плотно прикрыты все окна и двери.

— Вы давно пишете?

— Со школьных лет. Я долго писал, не имея никакой надежды, да и не предпринимая попыток напечатать хоть что-то, потому что отчетливо понимал, насколько это нереально. В конце концов все это имело бы для меня катастрофические последствия. Несмотря на то, что было довольно много сделано, все находилось как бы в сосуде под крышкой. Естественно, искажался масштаб, начинали возникать болезненные, преувеличенные реакции. Человек, долго писавший и до 40 лет не напечатавший ни строчки, начинает выглядеть графоманом. У меня первая публикация появилась, когда мне было 36 лет. Так что мне повезло. Как-то я сказал, что перестройка дала нам возможность умереть не дураками. Ведь мы могли так и остаться в околорассудительной парадигме, рассуждая о том, какие сволочи коммунисты. К счастью, оказалось, что все намного сложнее. Сейчас я склонен все случившееся оценивать как огромной важности факт повзросления целых народов. Во всяком случае, дающий шанс желающим повзрослеть.

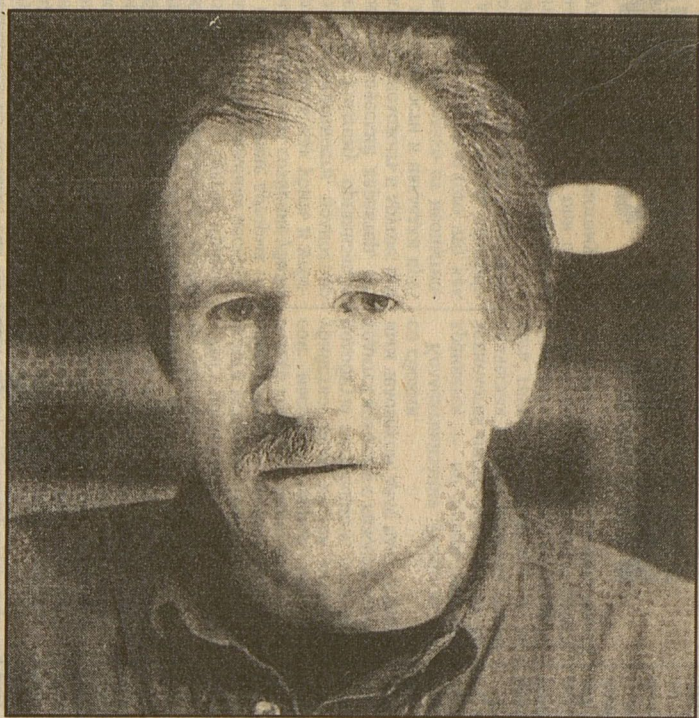
— Был ли у вас круг общения, помогающий жить и писать?

— Примерно с середины 70-х я ездил в Питер, а затем в Москву читать книги, потому что очень многих вещей на Украине нельзя было достать. Все, что печаталось в перестройку, было прочитано в то время. Важным для меня был круг Алеши Парщикова. Очень много дали мне знакомство и переписка с питерским поэтом Виктором Соснорой. Это был своеобразный фехтовальный поединок со спарринг-партнером, который позволяет тебе избавиться от лишнего. Фактически то, что может сделать один писатель для другого, это сбить с него спесь. Сходное выносятся в общий знаменатель, делится, и остается только то, в чем ты силен, что тебе надо развивать.

— Вы не чувствовали себя провинциалом, наезжающим в столицу за культурными впечатлениями?

— В принципе, нет. Львов был достаточно культурным европейским городом, очень многое приходило через польские книги и журналы. Ведь там печатались вещи, которые появились на русском лишь спустя 15—20 лет. Круг Парщикова сразу принял меня как равного. И потом, надо жить, где живешь. Был у меня такой несколько наглый тезис: столица там, где я. Таким должно быть кредо каждого нормального человека.

Игорь Клех (р. 1952) — прозаик. Окончил русское отделение филологического факультета Львовского университета. После недолгой службы в школе 17 лет проработал реставратором витражей во Львове. Последние несколько лет живет в Москве. Печатался в различных московских изданиях, в частности в «Дружбе народов», 1994, № 8 (рассказы), в «Новом мире», 1993, № 9 (повесть «Хутор во вселенной») и 1994, № 11 (повесть «Зимания. Герма»). Обе повести выдвигались на Букеровскую премию. В 1996 году в «Дружбе народов» (№ 4) вышла повесть «Диглоссия».

Чем провинция отличается от столицы? Тем, что она живет как бы не всерьез, не в полную силу. У меня во Львове был круг, который в то время пытался жить в полную силу. После филологического факультета я год поучительствовал, а потом ушел в ремесло. 17 лет работал витражистом, это давало мне экономическую независимость, я никогда не получал зарплату, а зарабатывал. Поэтому перестроенные переживания по этому поводу меня не затронули.

— Кто в те годы был вам близок эстетически, может быть, повлиял на стиль вашего письма?

— В первой половине 80-х мне был очень интересен поиск уже упоминавшегося Парщикова, у нас были точки пересечения. Потом оказалось, что мне эстетически в чем-то близок Соснора, какие-то вещи в прозе мы с ним делали буквально одновременно. Всегда было симпатично то, что делал Битов: это повышенный интеллектуализм прозы, власть над материалом и свобода в обращении с ним. Ну а еще — Пушкин и Гоголь, они для меня отнюдь не люди прошлого века.

— При всей условности деления на школы и направления к каким из них вы ближе всего?

— Определенно сказать не могу, хотя с какими-то из них я входил в соприкосновение. Во второй половине 70-х — начале 80-х меня привлекал постмодернизм, но не московский, а западный: Беккет, Борхес, Набоков, американцы и прочие. Хотя на самом деле я одиночка, и меня, по большому счету, все это не вполне устраивало. Мои амбиции — ни много ни мало — быть после постмодернизма. В принципе, я в конфликте с этим направлением, мне давно кажется, что пора пройти сквозь постмодернизм. Обойти его нельзя, а вот пройти и выйти из него давно пора. Задача сложная. Она связана с жанровым поиском, со сменой всего направления литературных исканий. Мне кажется, что вообще «приплыл» двухсотлетний корпус письменной европейской литературы. Изжили себя реалистическая и все связанные с ней конвенции: и авангардизм, и модернизм, и постмодернизм — как всякие антагонисты, зависят от реалистической конвенции. Поэтому сейчас поиски происходят в области паралитературы, то есть там, где весь жанровый корпус должен сдвинуться, и то, что не является литературой, может стать ею. Как до господства реалистической конвенции прозой были, например, писания зоологов, философов, историков. Сейчас (не только мне, но и, как я заметил, многим моим друзьям) страшно интересно читать не конвенциональную жанровую вещь, а какие-то путевые записки, воспоминания, поваренные книги, энциклопедии, дневники. В этом направлении, по моему, может быть серьезный поиск.

— Уже несколько раз в рассуждениях о конце постмодернизма при описании следующего этапа использовалась категория «новая искренность». По-вашему, это плодотворный путь?

— Может быть, не знаю. Я иду на ощупь. Для себя задачу я формулирую приблизительно так: поиск нового способа рассказывания новых историй. В каком смысле новых? Какие-то явления не воспринимаются и писателями, и читателями, привыкшими к старой парадигме, как предмет для рассказа. Необходимо переключение на истории другого типа, а с этим связано и обновление способа их рассказывания. К этому можно подбаться только чисто опытным путем.

— Что вы имеете в виду под новыми историями? Еще Библия исчерпала практически все сюжеты.

— Конечно, традиционные истории были исчерпаны давно. Потом каждый век мог добавить от силы один-два сюжета. Большевики принесли много нового. В одном тексте у меня есть глава «Империя как литературная машина». Действительно, советская империя порождала априорные формы сознания и новые, удивительно идиотские, но освежающие сюжеты. Как говорил Кафка: нет ничего бо-

лее освежающего, чем разговор с дураком. Что такое новый способ рассказывания, более или менее ясно, а вот что такое новая история, четко сформулировать трудно... Скажем, описание города, где главным героем является здание (в моем случае это ложноготический костел на привокзальной площади во Львове), или сало, или колбаса. Или, например, весенние выползки земляных червей, когда они в колоссальных количествах погибают на тротуарах и дорожках парков. Эта гекатомба совершенно не интересуют ни писателей, ни читателей, при том что происходит нечто загадочное, способное поразить и взволновать. Вообще-то, я не должен много думать над этим, я, повторю, должен писать и нащупывать новые ходы.

— «Для меня в искусстве важно не ЧТО, а КАК». Часто место «что» и «как» в этой фразе определяет позицию художника. Какова ваша?

— Я с тревогой замечая, что от КАК все больше склоняюсь к ЧТО. Мы так долго на нем плясали, доказывая: не важно ЧТО...

— Вы могли бы описать теплее ЧТО?

— Оно должно быть более мускулистым, более экономным. Делая упор на КАК, ты начинаешь порождать бесконечный многословный текст. Выстраиваются ряды слов — ровных, шелестящих, где не ощущаема конструкция, все расплазается в пряжу, в ритмические образования. В прозе, стремящейся — в пределе — стать красноречием, очень часто отсутствует момент изобретения. Это очень важно. Какие-то вещи не становятся прозой. Могут быть замечательные рассуждения, наблюдения и так далее, но приходится от них отказываться, потому что они не являются прозой. Внутрь текста должна быть вставлена некая конструкция или подкидная доска, причем просто так их не затолкаешь. Это что-то вроде технического изобретения, являющегося всегда открытием. Это тот момент, который объединяет техническое и художественное творчество. Вот когда удается совместить пряжу слов с пружиной конструкцией, тогда, по моему, текст и может получиться. Литература, поклоняющаяся КАК, стремится писать все лучше, лучше и лучше, но задача ведь заключается не в том, чтобы написать лучше, а в том, чтобы написать ИНАЧЕ.

— Судя по вашей последней прозе и эссе, поездка в Германию была для вас важной. Что она вам дала?

— Очень многое. Вспомните героев классической русской литературы — скажем, Печорин, Онегин. Упершись в тупик, который бывает в жизни каждого человека вне зависимости от режима, выход можно найти исходя из небольшого количества вариантов. У меня есть эссе о Пушкине, где я пишу о том, что после возвращения из ссылки он оказался в кризисе и ему надо было либо жениться, либо пойти на войну, либо отправиться путешествовать. Вот, пожалуй, три пути, которые иногда позволяют сменить предметную область.

Германия оказалась для меня просто находкой. В частности, она дает мне возможность припасть к живой воде конкретики, выйти из области спекуляций. Когда живешь в центре Европы, где видны лишь следы культур, тебе в голову приходят самые фантастические допущения, что из себя представляет настоящая Европа или, скажем, Москва. Увидя все живое, получаешь огромный материал для размышлений, сопоставлений. Короче говоря, ЧТО, а не КАК. Первый раз я поехал в Германию, когда мне было 40 лет (до этого я не покидал СССР), поехал на 40 дней, получив: 40 лет здесь и 40 дней там. Получив так называемую Пушкинскую стипендию, я специально подгадал, чтобы путешествие по Германии и Швейцарии оказалось сорокадневным. Я сыграл в эту игру с реальностью, и оказалось, что правильно сдал карты. Это дало возможность написать новый текст, то есть путешествие оказалось и литературно продуктивным.